

(Из доклада бежавшего из Соловков).

Послушать человека, только 29 августа этого года перешедшего границу СССР, пришло очень много Пражской Российской эмиграции. Председатель, калмыковатый лицом чернявый младорос, представил собранию докладчика, как простого крестьянина, за свои религиозные убеждения угодившего в один из Соловецких концлагерей.

Докладчик — человек средних лет, худой, с острым носом на сухом скуластом лице, с коротко, под машинку остриженными волосами, действительно еще носит некую печать от „райской“ жизни на челе.

Однако, этот „простой крестьянин“ довольно бойко читает складно написанный доклад, делает смелые экскурсии в недра политических учений, сжато и связно передает события, приводит смелые и оригинальные сравнения... Только характерные произношения некоторых слов, вроде: „проценты“, „роман“, „молодежь“ — с ударением на первых слогах, да „милищанеры“, „мыслей“ — с ударением на последнем слоге, выдают в нем полунинтеллигента из народа.

Ровным, несколько вкрадчивым голосом начетчика два часа читал он доклад о жизни подсоветской на воле и в неволе. Сделав беглый обзор жизни русских крестьян до войны, во время войны, в революции и после революции, докладчик с заметным удовольствием остановился и подробно изложил темп и размеры советского строительства, их достижения и совершенства совнаппарата.

В годы по ликвидации гражданской войны, советская власть, поддерживаемая искренней симпатией народной толпы, которая, будучи впервые призванной к участию в государственном строительстве, с энтузиазмом выбрасывала из своих недр свежие творческие силы, лихорадочно принялась отстраиваться и налаживать взбудораженную жизнь. По словам докладчика, всюду зашумели машины, загудели всякие Волхострой, Сельмаши, один за другим появлялись уютные рабочие городки, мужики отседались и деревня принимала довоенный вид.

Но, как снег на голову, налетела коллективизация. Мужик испугался, обалдел, растерялся и началась резня скота, поголовный пропой всего добра перед перспективой отдачи в колхозы. Коллективизация встретила отчаянное сопротивление сельской массы, но советская власть, мытьем и катаньем, хитростью и репрессиями, при поддержке сотен высылаемых из центра сознательных рабочих, провела коллективизацию по всей территории Совсоюза.

На своем пути от Москвы до Кавказа, от Кавказа до Польской границы, докладчик всюду видел колхозы, которые расположились на лучших землях, снабжены всякими видами машин, и при самой интенсивной поддержке правительства развивают хозяйство коллектива, стараясь покрыть всю Россию сетью зерновых фабрик и государственных скотоводств. Каждый колхоз имеет своих агрономов, докторов, свои школы, все и все...

Наблюдая, с каким увлечением рассказывает докладчик о советском строительстве, о колхозах, о совершенстве советского аппарата, сперва кажется, что перед вами обыкновенный агитатор, но когда он переходит к обрисовке теперешней жизни крестьян, когда он начинает объяснять сущность „диктатуры пролетариата“, говорит о нуждах и недостатках населения, о ты-

сячах и тысячах высылаемых в Сибирь за сопротивление колхозным мероприятиям, то вы начинаете верить, что перед вами человек, рассказывающий все, что видел и как воспринимал. Население, несмотря на неприхотливость мужика, как в еде и в одежде, бедствует, голыми, правда не ходят, с голоду не умирают, но беднота и недоедание вопиющие.

Жутким ужасом веет от рассказа докладчика о жизни ссыльных в концентрационных лагерях. Докладчик знает только о Соловецких лагерях. Вся Карелия, все Соловецкие острова, все тысячеверстное протяжение Мурманской железной дороги усеяно разными лагерями, пунктами, командировками ссыльных. 300,000 молодых и здоровых жизней, голые и босые, голодные и больные, пачками умирая, в холод, и жар, в слякоть и в снег, подгоняемые надсмотрщиками из своей же среды за лишней грамм жира, за возможность лишнего куска мяса в месяц вытягивающих из несчастного своего собрата последние силы, трудятся на лесных и каменных работах с очень слабой надеждой вырваться на свободу. Время от времени куда-то, с „широких глаз“ увозятся партии неизлечимо больных и изуродованных болезнью людей, якобы на лечение.

Но убыль с лихвой пополняется. Страшное ОГПУ, это государство в государстве, имеющее свои законы, свою прекрасно вооруженную и богато снабженную армию, даже свою „культуру“, как сказал докладчик, ежедневно пачками пополняет Соловецкие лагеря всеми цветами населения России. 6 отделений, 200 пунктов и командировок непрерывно пополняются из 3 распределительных пунктов. Сам докладчик был заведывающим базисным складом и ему, чтобы не умереть, приходилось подгонять до изнеможения своих же несчастных братьев-ссыльных.

Население Совроссии перестало бояться тюрем, которые переполнены, а потому власть так широко практикует ссылки в концлагери, которые только и пугают население, так как оттуда мало кто возвращается.

„Советская власть, как никакая другая, близко подошла к народу и, как никакая другая, глубоко развращает его“ — говорит докладчик. Школы выпускают грубую, ненежественную, преданную власти молодежь, на помощь приходит печать, кино, всякие спектакли, митинги и в результате — религия в загоне, семья разрушена, быт перевернут вверх ногами, царит разврат и все виды проявлений человеческой гнусности. Старики ненавидят молодежь, молодежь стариков, население нагугано и безвольно, власть крепка, сильна организацией, преданными людьми и волевой кучкой верхушки...

Так рассказывал человек, только что выехавший „оттуда“. Слабо звучит после всего этого метод докладчика по спасению России. Путанно и неубедительно звучали его слова об обращении к Богу, к религии и, к какой-то, „природной культуре“ человека, к „огню сознания“.

Почти в самом начале своего доклада он разочаровал наперед слушателей, заявив, что все расчеты на скорое падение власти в Совсоюзе и желание тех или иных лиц и группировок играть всякие роли — напрасные мечтания.

После доклада должен был быть обмен мнениями, но это было уже не интересно.

Докладчика зовут Ксенофонтий Матвеевич Соловьев.

Ш. Н.

Казаки!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество---Вільне Козацтво“.